

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ: ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

Саша стоял в дверях родительской спальни, не смея переступить через порог: измученная бледная женщина лишь отдаленно напоминала мать. Любовь Ивановна, увидев сына, поманила его к себе. Саша тихо вошел и опустился на краешек кровати. Он знал, что матушка вот-вот должна разрешиться братиком или сестренкой, но ребенок все не появлялся.

Любовь Ивановна через силу улыбнулась и накрыла горячей рукой его маленькую прохладную ладошку: «Сыночек, ты должен быть сильным, только, пожалуйста, ничего не бойся. Маме не будет больно... Ты уже большой и должен помогать отцу заботиться о братьях и сестренке. И еще... ты не плачь сильно, потому что я всегда буду с тобой...»

Мальчик слушал мать очень внимательно, но так и не понял, что же она хотела сказать. Любовь Ивановна прикрыла веки, а он, вышмыгнув из комнаты, бросился разыскивать старую нянюшку. Авдотья Ивановна уж обязательно растолкует, что к чему. Старушка стояла на

коленях перед образами. Заметив Сашу, няня запричитала: «Бедное ты мое дитяtko! Матушка-то... На кого же вас оставляет...» У Саши противно засосало под ложечкой: он понял, что с мамой случилось что-то нехорошее, и снова побежал в спальню. Толкнув дверь, он ошепенел; мать лежала на кровати с закрытыми глазами, естественно вытянувшись, на лбу — черная ленточка, руки перевязаны белым платком... Рядом с ней стоит священник и о чем-то тихонько беседует с отцом. Мальчик закричал и, бросившись к кровати, начал целовать лицо и руки матери, непрерывно повторяя: «Мамочка, дорогая, я здесь! Ты слышишь? Я здесь! Открой глазки...» Отец пытался его оттащить, но тщетно — Саша вцепился в мать и никак не хотел ее отпускать.

Отец привел его в чувство, плеснув в лицо холодной воды. Потом взял сына на руки и вынес из спальни. «Мама больше нет, сынок, она умерла...» — отец говорил тихо, стараясь не смотреть сыну в глаза. «Ты врешь, ты все врешь, ты лгун, предатель...» — мальчик молотил кулаками по груди отца, потом вырвался из его объятий и побежал наверх. На чердаке он зарылся в груды ветоши и расплакался — горько, безутешно. Он плакал так долго, что его глаза стали слипаться от усталости, и мальчик не заметил, как заснул.

Его разбудила няня. Старушка, держа в руке свечной огарок, корила любимца: «Ну и напугал ты нас всех, Са-

шенька! Вот ведь удумал куда забраться...» Саша поднялся на нее опухшие от слез глаза и, все еще надеясь на чудо, спросил: «А мама?..» Авдотья Ивановна, так же как отец, отвела глаза и произнесла: «Нет больше матушки... Смирись, милый...»

На этот раз Саша не заплакал и не закричал. Он забился в самый темный угол чердака и наотрез отказался спуститься. Мальчик просидит там до самых похорон. Только увидев мать в гробу, он наконец поймет, что ее больше нет.

Саше Островскому было всего девять лет. Без матери он чувствовал себя одиноким и никому не нужным в

Мать лежала на кровати неестественно вытянувшись, на лбу — черная ленточка, руки перевязаны белым платком...

большом доме. Конечно, у него есть отец, братья — Михаил и Сергей, сестренка Наташка. Но мама... Он любил ее больше всех на свете.

...Островский с удовольствием потягивал чай из блюдца и рассматривал сидящую напротив девушку: простое открытое лицо, голубые глаза, гладко зачесанные светлые волосы. Он познакомился с Агафьей совсем недавно и уже зачастил в маленький уютный дом, приткнувшийся в тесном переулочке Замоскворечья. Собственно, они с новой знакомой жили рядом (дом Островских тоже находился недалеко от Яузы), и Александр по-соседски заходил проводить ее. Агафья же, видя, как гость каждый раз мучительно придумывает причину, объясняющую его визит, только улыбалась: ей нравился этот большой нескладный юноша. Она поила его чаем с вареньем, потчевала пирожками с моршкой и земляникой, а он, с аппетитом уплетая угощения, говорил, говорил... Двадцатичетырехлетнему Островскому показалось, что он наконец-то встретил девушку, рядом с которой его душа начинает потихоньку оттаивать, с которой он может поделиться самым сокровенным. ..

Как он жил все эти годы? Скорее даже не жил, а существовал, потому что после смерти матери его жизнь превратилась в сплошной кошмар.

Овдовев, Николай Федорович через четыре года женился на семнадцатилетней шведке Эмилии Тессин, которую Саша невзлюбил с первого взгляда. Розовые надутые губки, напудренный нос, привычка закатывать глаза — все, решительно все отличало мачеху от покойной Любви Ивановны. Саша думал, что и братья с сестрой тоже не потерпят в доме отцовской избранницы. Но коробки конфет, маковые пряники на меду, матросские костюмчики и новые шелковые платья быстро растопили сердца маленьких Островских. Саша видел, как млеет Наташка, когда Эмилия расчесывает ей волосы, как радостно блестят глаза Мишки и Сергея, когда

Маша Бахметьева, молоденькая выпускница театральной академии, стала последней женой Островского

они взахлеб рассказывают мачехе про гадкую пупырчатую жабу, которую поймали в саду, и у него наворачивались слезы. Подумать только, Эмилия в доме меньше месяца, а эти предатели уже называют ее «маменькой»! Скоро лишь он один будет помнить, что у них когда-то была другая мать!

Битое стекло в домашних туфлях, банка с дегтем, опрокинутая на мачехино песцовое манто, пара здоровенных черных крыс, выскочивших из шляпной коробки и напугавших Эмилию до полусмерти, — Николаю Федоровичу потребовалось немного времени, чтобы разгадать, чьих это рук дело. Он привел сына на конюшню и хорошенько выпорол розгами, каждый раз приговаривая: «Будешь знать, как обижать маменьку! Будешь знать...»

...Агафья слушала гостя молча, но тут горестно всхлипнула: «Ох, и натерпелся ты, бедный...» Александр, откинув со лба непокорную прядь, опустил голову. Натерпелся... Да разве можно передать словами то, что творилось в его детской душе!..

...Тогда он всю ночь проплакал от боли и унижения, думая, как отомстить отцу. Саша решил, что завтра же соберет вещи и уйдет из дому куда глаза глядят. Уж лучше жить в трущобах или под мостом! Там он скоро подхватит коклюш, дизентерию или холеру — и все конечно. Он уже ясно видел, как его хладный труп привозят в дом, отец падает на колени, рвет на себе волосы, причитая: «Прости меня, сынок...»

На следующее утро он и впрямь сбежал из дому, прихватив с собой лишь пару белья да двадцать рублей из своей копилки. Отец с приставом целый день разыскивали его по всему городу и нашли только ночью: беглец спал на лавке в парке, сжимая в кулачке медальон с портретом матери.

После истории с побегом Саша замкнулся и сутки напролет проводил в отцовской библиотеке. Осенью Николай Федорович отвел сына в гимназию, где Островский получил высшие баллы по всем экзаменационным предметам, и его сразу зачислили в третий класс.

Однако к учебе Саша быстро охладел: батюшка бесповоротно решил («Кто платит за тебя 40 целковых в год?»), что по окончании гимназии старший сын поступит на юридический, а коли его судьба предрешена заранее, к чему стараться? Николай Федорович хотел видеть в сыне подобие самого себя — честного судебного клерка, который в черных нарукавниках с утра до ночи разбирает важные бумаги. Но мальчика подобная перспектива ужасала: с грехом пополам он закончил гимназию, так и не получив чина коллежского регистратора, которого удостоились почти все выпускники. Родитель был вне себя от ярости, но главное разочарование ожидало отца впереди.

Александр поступил на юридический факультет Московского университета, дотянул до второго курса, но за систематические прогулы был оставлен на второй год. Тогда он набрался храбрости и подал прошение об уходе.

...Агафья подлила в кружку горячего чаю и тяжело вздохнула. Вот Саша сам не захотел учиться, а она только об этом и мечтала, да так и осталась полуграмотной. Девушка опустила глаза и залилась краской. Скучно, наверное, Александру с такой темной. У Островского от

Написав более пятидесяти пьес,
в 1866 году, незадолго до смерти,
Островский возглавил репертуарную
часть московских театров

возмущения аж дух перехватило: что она говорит! Ему решительно все равно, умеет она читать или нет. Его покойная матушка, дочка просвирни, тоже с трудом писала свою фамилию. Кстати, Александр смутился, теребя полу сюртука, он давно хотел сказать, что Агафья и лицом, и манерами, и голосом напоминает матушку. Девушка легонько потрепала его по волосам: ее руки пахли хлебом и ягодами, как у покойной Любви Ивановны, и Александр, прикрыв глаза, словно перенесся в детство. По его щекам потекли слезы, и юноша, застеснявшись собственной слабости, бросился вон из дома.

На следующее утро он появился в Коммерческом суде (отец благодаря своим связям сумел пристроить непутевого сына в приличное место) необыкновенно возбужденный. Молодой адвокат, старый приятель Островского, которому Александр рассказал о давешнем

стал не видясь более с Агафьей. И па следующе же уро... тихонько постучался в ее окно.

Теперь, чтобы усыпить батюшкину бдительность, влюбленные встречались урывками: Островский забегал на полчаса по дороге на службу, а иногда, если было много работы, не показывался целыми днями. Но Агафья не роптала...

Островский корил себя за слабохарактерность, за то, что пошел на поводу у отца и мучит Агафью, которая предана ему всей душой и ничего не требует взамен. Они не признавались друг другу в любви — обоим и без слов все было ясно. Но однажды Александр все-таки не выдержал: «Ну скажи же наконец, любишь ли ты меня?» Девушка улыбнулась в ответ: «Я тебя жалею...»

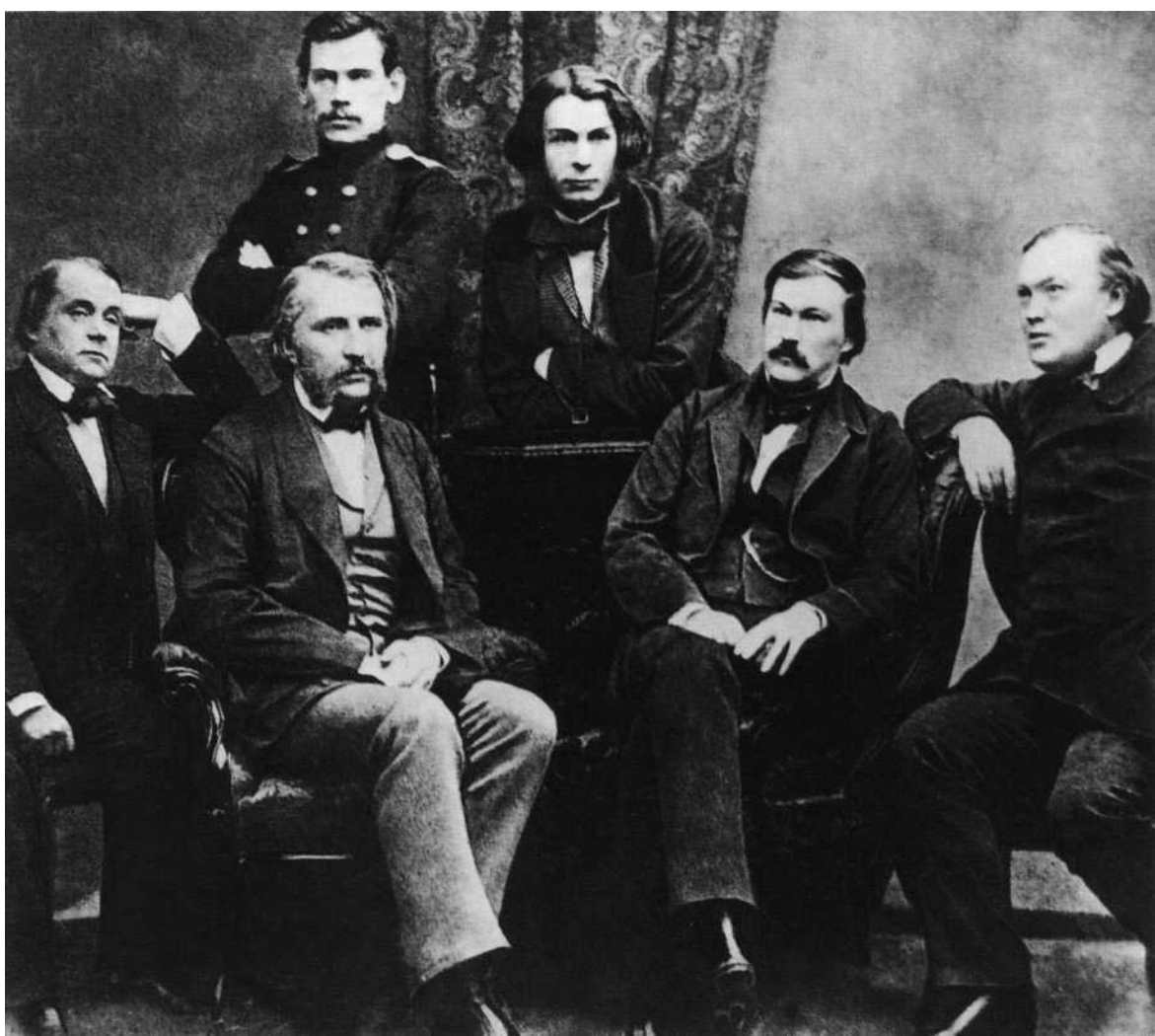
Тайные встречи продолжались уже два года, и вот в один из дней Александр ворвался к Агафье и бросил на

Однажды Александр не выдержал: «Скажи наконец, любишь ли ты меня?» Девушка улыбнулась в ответ: «Я тебя жалею...»

свидания, поднял друга на смех. Право же, нашел из-за кого переживать! Из-за какой-то московской мешаночки, родители которой были крепостными! В воскресенье, когда молодые люди прогуливались по набережной, барышни бросали на Александра такие пылкие взгляды, что аж завидно делалось! Островский с досадой отмахнулся: а что, если он влюбился? Приятель оторопел: «Влюбился... Не смейся людей! Что ты будешь делать с этой красавицей — у нее небось платье вечно вымазано печной сажей? С такой и в люди не выйдешь. Да и твой батюшка никогда не позволит, чтобы сын связался с простолюдинкой».

Приятель как в воду глядел: Николай Федорович, прознав про Сашины амуры, пригрозил лишить его наследства и отправить к дальним родственникам в Саратов, коли свидания не прекратятся. Александр пообещал

стол стопку мятых страниц, исписанных мелким убогим почерком. «Вот, — заявил он с победным видом, — готово!» Агафья взяла листок, повертела в руках и, отложив в сторону, спросила: «Что это?» — «Вот глупая женщина! Неужто не видишь? Это пьеса! Я написал пьесу!» — «Может, пообедаешь сначала? Щи стыннут...» Александр аж взвился: тут такое событие, а она со своими щами! «Да ты только послушай, Глаша. «Несостоятельный должник». Как тебе?» Агафья пожалала плечами — она же по театрам не ходит, книг умных не читает, откуда ей знать? Александр, не обращая внимания на ее слова, схватил рукопись и начал читать вслух. Дойдя до последней страницы, перевел дух и опустил на лавку: «Ну, как тебе?» Агафья потупилась: «Интересно. Только прав батюшка: лучше в суде делом заниматься, чем бумагу-то марать...» У Александра от изумления округли-

Слева направо сидят: Иван Александрович Гончаров, Иван Сергеевич Тургенев, Александр Васильевич Дружинин и Александр Николаевич Островский. Стоят — Лев Николаевич Толстой и Дмитрий Васильевич Григорович

лись глаза: марать бумагу... И всего-то? Он целый год, оставляя на сон три-четыре часа, корпел над пьесой, мечтал о том, как покажет ее Глаше. А она... Островский аккуратно сложил листы в папку, натянул картуз и побрел домой.

обвинявший Островского в плагиате). Александр Николаевич в одночасье стал московской знаменитостью. А после того как Николай I запретил ставить пьесу, приказав держать молодого автора под надзором полиции, его жизнь в корне изменилась. Появились новые дру-

Островский стал московской знаменитостью, после того как Николай I запретил ставить его пьесу, а полиция взяла автора под надзор

«Несостоятельный должник» (отрывок из комедии, теперь известной под названием «Свои люди — сочтемся») был опубликован в седьмом номере «Московского городского листка» и подписан литератами А. О. и Д. Г. - Александр Островский и Дмитрий Горев (театральный автор, написавший лишь одну сцену и впоследствии

зья, все больше студенты и начинающие литераторы — Алмазов, Берг, Мей, Филиппов. Они водили Островского по странным полуподвальным квартирам и по роскошным литературным салонам, где ночи напролет молодежь до хрипоты обсуждала очередную театральную премьеру или журнальную статью.

Александр возвращался домой под утро, еле держась на ногах от усталости. Жизнь его разделилась на «до» и «после» того момента, когда он рискнул попробовать себя в сочинительстве. В той жизни остался ненавистный суд, десятки томов уголовных дел, пропахших пылью и плесенью, тихая Агафья. А в новой... Собственно, в новой жизни еще не было ничего определенного, кроме пьянящего чувства свободы и ощущения собственной значимости.

Вскоре в «Городском листке» он опубликовал «Картины московской жизни. Картина семейного счастья». Произведение имело огромный успех. И тут как гром среди ясного неба: Агафья в привычной манере, не повышая голоса, сообщила, что ждет ребенка. Островского как обухом ударили по голове: ему почему-то никогда не приходило в голову, что Агафья может забеременеть. Заметив его замешательство, она так же тихо добавила: «Да ты не волнуйся, ребенка подниму сама, сил хватит...» Островский покраснел: нет, он не то чтобы не рад, просто... Просто это как-то не вовремя. В его планы пока не входило обзаводиться семьей, да и не венчаны они еще...

Николай Федорович своего благословения на брак не дал, а Александра за то, что посмел пойти против отцовской воли (ведь пригрозил же он сыну, что лишит наследства!), выставил из дома и отказал в содержании. Старик удовлетворенно потирал руки: теперь-то сынок узнает, почем фунт лиха! И поделом...

Александр решил: больше ни за что он не покорится отцу, снимет квартиру, и заживут они с Агафьей своей семьей. Ну а что не венчаны, так это ему решительно все равно.

Однако пересчитав сбережения, Островский приуныл: денег хватит только на крохотную каморку и всего на полгода. А что дальше? За пьесы платят гроши...

С каждым днем Александр становился все мрачнее: он целыми днями бегал по Москве в поисках заработка, возвращался за полночь, надеясь хоть немного отдохнуть, а Агафья с порога твердила о неоплаченных счетах, о том, что соль подорожала, а хозяин мясной лавки отказался отпускать в кредит. И его прорывало: Островский кричал, что ради нее он пожертвовал всем — свободой, спокойствием, возможностью писать, наконец! Та вся сжималась от этих упреков: она же изо всех сил старается облегчить ему жизнь! Не тратит на себя ни копейки, ходит в обносках, только бы Сашенька был сыт, и ни разу не призналась, что у нее от постоянного недоедания кружится голова. Разве она виновата, что все у них так нескладно получается?

После рождения ребенка Островский почти не появлялся дома, аккуратно приносил Агафье деньги и тут же исчезал. Глаша не удерживала: если Александру лучше жить без нее — что ж, значит, так тому и быть.

В 1850 году Островский устроился в журнал «Москвитянин». Но нужда не отступала, он ночевал то у друзей, то на случайных квартирах. Бывало, бублик и кружка чая — все, что он съедал за целый день. Порой Александр с тоской вспоминал о доме, об Агафье, которая заботилась о нем денно и ночью.

...Был конец марта. В сумерках он брел по Якиманке, получив небольшой гонорар за новую пьесу. Холодный ветер пробирал до костей. Островский поежился и

Слезы струились из ее глаз сами собой, Агафья плакала от счастья... Она обняла Александра и зашептала: «А ведь я уже совсем отчаялась, Саша... Сердце изболелось... Иногда так зайдется, что и вздохнуть не могу. Думаю, вот помру, и ребенок сиротой при живом-то отце останется. Так страшно, Саша...»

Они проживут вместе еще 15 лет, и Александр Николаевич будет стараться искупить свою вину перед женой. Агафья, родив еще двух детей, подорвала здоровье. Порой она сутками не поднималась с кровати, жалуясь на сильную боль в груди и головокружение. Островский, который из-за вечного безденежья не мог позволить себе прислугу, просыпался чуть свет, сам грел воду, стирал белье, затем готовил обед (пшенная каша и луковый суп получались у него отменно), будил детей и убегал на службу.

Он работает как вол, пишет по пьесе в год, а в театре требуют еще и еще. У него стремительно портится зрение и дрожат руки, а голову иной раз схватывает так, что хоть на стену лезь.

Когда павлово-посадский суконный мануфактурщик Яков Грузинский пригласил его погостить несколько дней у него в именин, Островский впервые за многие месяцы вздохнул свободно: он гулял по окрестностям, наслаждался тишиной и воздухом, напоенным ароматом хвои. Как-то шагая по лесной тропинке, он чуть не сшиб с ног незнакомку. Оба на секунду замешкались, а потом рассмеялись. Дама поправила волосы и, взглядев в лицо Островского, всплеснула руками: «Александр Николаевич, Господи, вы ли это?» Тот слегка поклонился: «Не имею чести?» — «Я Люба Косицкая. Помните, мы с вами встречались в Москве, вы еще похвалили мою Парашу-сибирячку?» Островский смутился. Как же он не узнал саму Косицкую, уже несколько лет блиставшую на театральных подмостках?! Между тем Любовь Павловна, не обращая внимания на его смущение, взяла Островского под руку и предложила прогуляться по лесу. Они все дальше углублялись в чащу, а Любовь Павловна рассказывала, как однажды в детстве отправилась собирать грибы, заблудилась и провела в лесу целых два дня, пока ее не разыскали. Слушая, Островский опасливо озирался по сторонам: «Любовь Павловна, вы точно помните дорогу назад?» Косицкая расхохоталась и лукаво спросила: «А что, если мы потерялись?» Островский застыл на месте и вдруг рассмеялся — искренне, от души, как не смеялся уже давно. Затем наклонился, набрал охапку сухих листьев и осыпал ими Косицкую. Словно разбаловавшиеся дети, они бегали друг за другом, пока Любовь Павловна не выбилась из сил. Румяная, с задорной улыбкой, в волосах запуталась листва — Островский смотрел на нее и любовался. Он подошел к Любе, протянул руку, чтобы вытащить из ее волос сухую веточку, и вдруг поцеловал. Потом, испугавшись собственного порыва, развернулся и быстро зашагал прочь...

Он, немолодой уставший человек, который уже не ждал от жизни сюрпризов, вдруг влюбился как мальчишка и, кажется, совсем потерял голову. Островский преследовал Любу, прекрасно зная, что у нее со дня на день

плотнее закутался в старенькое, выдавшее виды пальто. В такой вечер хорошо бы сидеть дома и пить чай с малиновым вареньем. «Сударь, купите букетик!» Александр обернулся и увидел старую цветочницу, протягивающую ему фиалки. Секунду подумав, он протянул женщине все имевшиеся у него деньги. Хватило на целую корзину. Подумать только, целая корзина маленьких, нежных, восхитительно пахнущих цветов! «Это же не... Она у меня знаете какая!» — сказал он удивленной торговке и побежал домой.

...Агафья, открыв дверь, приложила палец к губам: ребенок только заснул. Сияющий Островский протянул ей корзину цветов: «Глаша, милая, ты уж прости меня, дурака...» Она смотрела на него широко распахнутыми глазами: «Да зачем же... Ведь денег-то сколько...», а потом опустила на стул и зарылась лицом в фиалки.

свадьба: Косицкая вот-вот была выйти замуж за Ивана Никулина, актера из любительской труппы.

За вечер до отъезда из Павлово-Посада Островский отважился назначить свидание. Аккуратно зачесал назад волосы, подстриг бороду, надел свой лучший сюртук и даже повязал шелковый шегольской галстук. На столе стояла бутылка вина, сыр и вазочка с красной смородиной. Опуская в рот ягоды одну за другой, Островский прохаживался по комнате: сейчас придет Люба, и они объяснятся. Он женат, она вот-вот выйдет замуж, но это не имеет значения. Александр Николаевич знал, что теперь не может и не хочет жить вдали от нее. Вазочка со смородиной опустела, а Люба все не шла. Она так и не появилась в тот вечер, прислав коротенькую записку: «Извините, нам лучше не видеться...»

На следующий день они столкнулись на вокзале. Люба издала помахала рукой, и он бросился навстречу,

Островский нервно ходил по комнате: сейчас они объяснятся. Он женат, Люба вот-вот выйдет замуж, но это не важно. Он не может жить без нее

расталкивая локтями прохожих, и остановился перед ней, теребя картуз и глупо улыбаясь. Но чуда не произошло: «Александр Николаевич, вам действительно не стоит искать встреч со мной. Прощайте». Развернувшись и пошла прочь, а Островский еще долго стоял на перроне. Подошел поезд, и он, ссутулившись и медленно переставляя ноги, побрел к вагону.

Пройдет три месяца, прежде чем он и Косицкая вновь случайно встретятся в Москве. Сухо поздоровавшись, Островский намеревался продолжить путь, но Люба схватила его за рукав: «Александр Николаевич, ну же, не дуйте на меня! Давайте мириться. Приходите вечером чай пить».

В гостиной у Косицкой толпилось множество народу. Живая, подвижная, приветливая, Любовь Павловна

подходила то к одному гостю, то к другому, и Островский почувствовал, что ревнует ее и к молоденькому студенту, и к плешивому актеру из императорского театра, и к какому-то графу. Когда же наконец эти назойливые люди разойдутся и они смогут остаться одни?

Далеко за полночь квартира Косицкой опустела. Любу едва не хватил удар, когда Островский, чхая и стряхивая пыль с сюртука, шагнул ей навстречу из своего укрытия: он предусмотрительно спрятался за тяжелой портьерой. «Вот глупый...» — Люба протянула руку и коснулась его лица. И тут Островский схватил ее на руки и закружил по комнате. «Сумасшедший! Немедленно отпусти!» — она и смеялась, и гневалась одновременно. — «Не отпущу, теперь уже низа что не отпущу...»

16 ноября 1859 года состоялась долгожданная премьера «Грозы». Островский написал ее на одном дыхании — муза его была рядом: они расставались с Любой

только на ночь, когда писателю приходилось возвращаться к Агафье и детям.

Он посвятил «Грозу» Любе и отдал ей роль Катерины. Косицкая не подвела: прозвучали последние слова заключительного акта, и зал взорвался аплодисментами. Публика не отпускала Островского и Косицкую в течение получаса... В тот вечер они вернулись к Любе, Александр Николаевич усадил ее на диван и, глядя в глаза, произнес: «Слушай, разводишь с мужем. Он ведь не кажет носа с самой свадьбы. Я, понимаешь... Я не могу без тебя!» Люба посмотрела на него с изумлением: «А как же Агафья?» — «Агафья... Я ее тоже люблю, но совсем не так, как тебя. Она поймет». Люба помолчала минуту, потом решительно поднялась и произнесла: «Этого никогда не будет. Возвращайся домой, уже поздно...»

Косицкая была одной из первых, кому Островский прочел «Грозу»

Косицкой было 32 года, женихи дважды бросали ее перед венцом, а третий, хоть и дошел до алтаря, вскоре исчез из ее жизни, кочуя из одной провинциальной труппы в другую. Она слишком хорошо знала, что значит быть брошенной, и не желала такой доли ни одной женщине, даже сопернице, с которой придется делить любимого.

Порога Любиной квартиры Островский более не переступил. С Любой они виделись еще раз только за два

Любовь Павловна Косицкая умерла в сентябре 1868 года в нищете и забвении.

А через год не стало и Агафьи.

Как-то, по обыкновению вернувшись домой за полночь, Островский нашел жену лежащей на полу без сознания. У него зашумело в ушах, перед глазами поплыли огненные круги: панический страх перед смертью близкого человека, сохранившийся с детства, сковал нутро. Он опустился на колени и стал трясти Агафью за

Студент-медик, осмотрев пациентку, вынес приговор: сердечная болезнь, жить бедняжке осталось не более месяца

года до ее кончины. Она овдовела и сошлась с каким-то богатым купеческим сыном, который похвалялся победой над ней в каждом московском трактире. И хотя Люба постарела и подурнела, Островский этого не замечал. Он снова предложил ей: «Выходи за меня. Я не помню зла». Она только рассмеялась ему в лицо. А через несколько дней он получил последнюю записку: «Я горжусь любовью вашей, но должна потерять ее, потому что не могу платить вам тем же... Простите меня, я не шутила с вами и не играла душой вашей...»

плечи: «Ну же, милая, открой глаза! Пожалуйста, открой!» Наконец она очнулась. Молоденький студент-медик, единственный, кого удалось найти в столь поздний час, осмотрев пациентку, вынес приговор: жить бедняжке осталось не более месяца. Сердечная болезнь, чахотка... Удивительно, что с такими недугами она до сих пор не умерла...

Но студент ошибся: Агафья прожила не месяц, а всего неделю. В последние дни она почти не приходила в сознание. Островский пригласил священника и, слу-

шая, как тот монотонно читает над умирающей женой молитвы, все время ловил себя на мысли: «Не то, совсем не то... Агафье нужно что-то другое, чтобы умереть спокойно». И вдруг пришло озарение...

Александр Николаевич, достав из комода серебряный подсвечник и старинные золотые часы на цепочке (единственная драгоценность, доставшаяся от отца), направился в ломбард. Скупщик отсчитал несколько бумажных ассигнаций, Островский бережно положил их в карман и отправился в ювелирную лавку. Броши с бирюзой, рубиновые серьги, кольца с перламутром — все не то. Островский искал другое. Вот! Тоненькое золотое колечко. Крохотное, почти невесомое. Неброское. Только такое и может подойти его Глаше...

Агафья ненадолго пришла в себя. Муж пригладил ей волосы, помог поудобнее устроиться на подушках. А потом взял тонкую восковую руку и надел на безымянный палец кольцо. Агафья медленно поднесла ладонь к глазам, стараясь рассмотреть получше дорогой подарок, и заплакала. Островский поцеловал ее в лоб: «Глаша, ты была и останешься моей женой перед Богом и людьми. Я хочу, чтобы ты знала это. Слышишь?» Агафья слегка кивнула. Слышит ли она? Да она ждала этого признания всю жизнь. И наконец дождалась. Только вот слишком поздно...

После ее кончины Островский не ходил на службу, не брал в руки пера. Обросший, в грязной рубашке, он целыми днями лежал на диване или бесцельно слонялся по комнатам.

Единственным человеком, который навещал его в те дни, была молоденькая выпускница театральной академии Маша Бахметьева. Они познакомились несколько месяцев назад за кулисами Малого театра — девушка читала отрывки из его новой пьесы.

«Александр Николаевич, ну съешьте хоть ложечку бульона, — уговаривала Маша. — Что же, я напрасно варила?» «Спасибо, деточка, не хочется...» — упирался Островский. Но девушка не отставала, пока он не соглашался и не проглатывал через силу несколько ложек.

Как-то незаметно Маша начала вести все его дела: следила за перепиской, проверяла счета, напоминала, к какому сроку нужно сдать очередную пьесу. Прошло два года, и стареющий Островский уже не представлял, как он раньше обходился без ее помощи и советов.

Как-то Маша на неделю уехала из Москвы, и все это время Александр Николаевич не выходил из дома. «Машенька, не оставляйте больше меня одного...» — «Да я бы рада, Александр Николаевич, только родители... жениха мне присмотрели. Замуж, говорят, пора...» Островский растерялся: как же так... Нет, все что угодно, только не это... В 1869 году Островский и Маша Бахметьева обвенчались.

...Как Островский ни сопротивлялся, Маша все же уговорила его съездить в Щельково, небольшое имение недалеко от Костромы. Александр Николаевич последнее время неважно себя чувствовал, и доктора настоятельно советовали на время уехать из Москвы.

...Он сидел в кабинете, когда почувствовал в груди резкую боль. На крик прибежала испуганная прислуга. «Машу, позовите Машу, — прохрипел он. — Страшно...» В следующее мгновение его не стало.

Юлия Ушакова